

Ангелы улиц (сборник)

Автор:

Андрей Малышев

Ангелы улиц (сборник)

Андрей Валентинович Малышев

В сборник «Ангелы улиц» вошли повести и рассказы, новые и уже знакомые читателю, которые посвящены славному военному прошлому или суровой действительности настоящего, но имеют одну общую основу – идеи патриотизма, ответственности перед большой и малой Родиной, благородства, отваги, бесконечной жертвенности.

Каждое повествование в сборнике участвует в своеобразной перекличке. Каждый описанный герой является истинным героем независимо от того, в какой промежуток времени он совершает подвиг. А времена различаются характером нравственности и моральных устоев, рождая вопросы: ради чего была война, к чему пришла страна, для чего такая жизнь и кому она мила и приятна.

Преемственность поколений и судеб проходит красной нитью через все повествования, собранные под единой обложкой. Неважно, в какое время ты живешь. Главное другое – как ты живешь и что ты оставишь после себя.

Андрей Малышев

Ангелы улиц

Ангелам во плоти ПОСВЯЩАЕТСЯ

Уважаемый Андрей Валентинович!

Герои не должны быть забыты, и надо, чтобы будущие поколения знали их и чттили их память. Забывая о подвигах современников, мы забываем историю современной России.

Майор Николай Мельничук. Вологда. Россия

Уважаемый Андрей Валентинович!

Хорошо, когда есть Настоящие люди, и когда награды все-таки находят своих Героев. Спасибо Вам!

Член Союза писателей России Марина Борина-Малхасян

Уважаемый Андрей Валентинович!

Очень горжусь тем, что Вы – наш соотечественник и выдвинуты на соискание Нобелевской Премии в области литературы. Желаю Вам удачи! И уже этот факт говорит о том, что Вы нашли себя в профессии и призвании! Очень рада за Ваши успехи!

Всего Вам самого доброго.

С уважением, телеведущая Ольга Марами

ТЕЛЕГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

Андрею Валентиновичу Малышеву.

Уважаемый Андрей Валентинович!

Примите мои искренние поздравления с Днем Рождения!

Вы относитесь к числу мужественных и смелых людей, избравших для себя высокую и крайне опасную миссию – охранять законность и правопорядок в стране.

За годы работы в правоохранительных органах Вы всегда честно выполняли свой служебный долг с риском для жизни и здоровья, противодействуя преступным посягательствам, ежедневно оберегая жизнь и покой граждан.

Убеждён, Ваше чувство Долга и отзывчивость на чужую беду, стремление помочь, стойкость являются примером для молодого поколения и сотрудников полиции.

Желаю Вам и Вашим близким крепкого здоровья, добра, счастья, благополучия и осуществления всех намеченных планов и замыслов!

Руководитель фракции Справедливая Россия в Государственной Думе
Российской Федерации С. М. Миронов

Андрей Малышев

Номинант на Нобелевскую премию в области литературы

1963

Живой Бог в Любви обитает!

Бессмертный экипаж

Никто не забыт, ничто не забыто!

Тебе, неизвестный солдат Великой Отечественной Войны, ПОСВЯЩАЕТСЯ!

Основана на реальных событиях

На опушке леса, сотрясая землю своими гусеницами, появился танк.

Чихнув двигателем, он остановился. Звонко открылся башенный люк, и из тяжёлого советского танка КВ с номером 52 на башне вышел экипаж в составе шести человек.

Командир танка, он же командир 3-й танковой роты 4-го танкового полка старший лейтенант Трященко Иван Захарович, родом из Житомира, внимательно посмотрел на свой сборный экипаж. Вот взводный лейтенант, двадцатисемилетний Габинский Яков Федосеевич из Винницы, другой лейтенант – светловолосый наводчик Ранцев Василий Петрович, ленинградец. Других бойцов командир знал не настолько хорошо. Вот тот, что поплотнее, механик-водитель Ершов Павел из Пскова, рыжеволосый трансмиссионщик-радист – Смирнов Вячеслав, темноволосый моторист-заряжающий – Широков Николай.

Сборный танковый экипаж выходил из окружения.

Почему из окружения и почему экипаж был сборным?

Да потому, что на дворе стояло жаркое лето тысяча девятьсот сорок первого года, а именно – двадцать третье июня. И хотя тёплое литовское лето в пяти километрах от города Расейняй в районе небольшой деревни Дайняй и могло радовать кого-либо, но только не экипаж грозного танка «Клим Ворошилов», только что вышедший из боя.

Бой был суров, и некоторые из КВ были подбиты, поэтому-то уцелевшие танкисты и примкнули к борту 52, который также не избежал потерь.

Командир мог бы рассказать, как его экипаж в составе подразделения советских танкистов в первые же дни войны принял участие в уничтожении колонны вражеских танков, но говорить об этом было не с кем, да и незачем.

А сейчас его танк возвращался на соединение со своей воинской частью, правда вот, в пути их КВ стал барахлить, в связи с чем и произошла остановка. Хотя, было похоже, что в очередной раз подвела трансмиссия.

– Ну, что, Вячеслав, – обратился командир танка к трансмиссионщику Смирнову, – опять поломка по твоей части?

– Боюсь, что да, командир, – виновато посмотрел на старшего лейтенанта Смирнов, – слабое место у КВ – эта механическая трансмиссия!

– Посмотри, что можно отремонтировать, – строго посмотрел командир, – механик и моторист тебе помогут, только не затягивайте, ребята, война не ждёт!

Трященко отошёл в сторону, если бы не война, то поневоле залюбовался бы здешней природой, но настроение, увы, было не самое лиричное.

К нему подошёл лейтенант Ранцев Василий, исполняющий обязанности наводчика орудия: – Что делать будем, командир, и без доклада механиков ясно, танк в любой момент выйдет из строя, если уже не вышел!

Спустя некоторое время к командиру подошли механики. Посмотрев на их безрадостные лица, Трященко понял, что ему сейчас скажут.

– Товарищ старший лейтенант! – обратился к нему трансмиссионщик, – не могу вас порадовать, посмотрели мы с ребятами и нашли неисправность, судя по всему, в коробке передач полетел главный фрикцион сухого трения!

– Насколько это серьёзно, Вячеслав? – пытливо посмотрел на Смирнова командир, – говори всё как есть.

– Считайте, товарищ старший лейтенант, – с сожалением ответил подчинённый, – остались мы с вами без танка, до расположения подразделения он не дотянет, силёнки ему осталось максимум на один короткий бросок, и всё, остановится машина!

– Так, товарищи, – обратился к экипажу его командир, – ситуацию знаете, давайте посоветуемся, как быть дальше.

– Командир, – посмотрел на Трященко лейтенант Ранцев, – в танке практически полный боекомплект, можно, конечно, и взорвать его, а затем в пешем порядке искать наше отступающее подразделение, но сейчас идёт война, и, я считаю, каждый снаряд, каждая пуля должны бить по врагу!

– Ты прав, Василий, – одобрил своего заместителя Трященко, – танк должен бить врага! Есть другие мнения, товарищи?

– Нет, – единодушно поддержал командира экипаж.

– Более того, – продолжил свою речь Ранцев, – считаю, что нужно ударить, когда по дороге пройдёт колонна противника. После чего предлагаю занять и перекрыть дорогу. Учитывая, что кругом болота и непроходимая местность, мы перекроем снабжение немецких захватчиков между городом и полевыми частями немцев!

– Товарищ командир! – в разговор вступил Николай Широков, – нас не объявят предателями и дезертирами? Может быть, стоит отступить и поискать наши части?

– Эх, боец, – грустно улыбнулся Трященко, – дай некоторым волю, так они аж до Москвы отступили бы! Вот что, слушай боевой приказ! Наша Родина там, где мы стоим, и ни пяди своей земли мы захватчикам не отдадим! Драться будем здесь и столько, сколько нам позволят наш долг и совесть! Родина у нас одна, и сдавать мы её своим отступлением не будем, никогда и никому! Приказ ясен?!

– Ясен, товарищ командир, – с извиняющейся улыбкой посмотрел на Трященко танкист, – вы только не думайте плохо обо мне, я не трус, просто я боялся, чтобы нас не посчитали предателями и дезертирами!

– Да разве такое возможно, товарищ боец, – укоризненно посмотрел на подчинённого старший лейтенант, – Родина нас не забудет, как и мы её!

– Так, а теперь разведать обстановку, при обнаружении телефонных проводов противника уничтожить их, – командовал Трященко, – поскольку должна у них быть связь. На разведку местности выходят Ранцев и Габинский. Старший группы – лейтенант Ранцев. Механикам продолжить, по возможности, ремонт танка.

– Есть, товарищ командир! – улыбнулся Ранцев, и они пошли на проверку и обследование местности.

Впрочем, через пару часов офицеры вернулись, и старший группы радостно доложил командиру, что ими были обнаружены и уничтожены немецкие телефонные провода.

– Молодцы, ребята, – похвалил Ранцева и Габинского командир, – скоро они зашевелятся!

– Товарищ командир, Иван Захарович, – обратился к старшему лейтенанту Ранцев, – в танке кончились припасы, сухой паёк на исходе, разрешите быстренько отлучиться до близлежащей деревни, местные помогут нам с едой.

Трященко понимающе улыбнулся, зная истинную причину похода лейтенанта за провиантом.

– Ладно, – миролюбиво согласился командир, – одна нога здесь, другая там, тем более уже вечерет, по темнянке немчура не ползет.

– Спасибо, командир, – уважительно посмотрел на ротного Ранцев и довольно-таки быстро удалился в нарастающей тьме по направлению к деревне.

Были причины торопиться у лейтенанта Ранцева, были!

По той простой причине торопился наш Василий, потому что жила с недавних пор там его сердечная зазноба – Настя Найдёнова, его Настёна, как он ласково её называл.

Правду говорят, что у любви есть крылья, потому как не иначе как на крыльях любви быстро добрался к своей Насте её Василий.

– Василий? – открывая дверь на его стук, удивилась Настя, – ты здесь какими судьбами, ведь война же, я уже и не чаяла тебя встретить живым! Что стоишь, проходи, рассказывай.

С радостной улыбкой Ранцев зашёл в дом своей милой.

Время, проведённое с любимой, пролетело незаметно...

Уже прощаясь и целуя её, Василий сказал: – Под утро мы уйдём в расположение наших частей, не печалься, родная, и не ищи нас, жди нас с победой!

Сказал это из боязни, что Настя будет искать его.

Уходя к танку, Ранцев ещё раз с любовью посмотрел на свою Настёну и, придерживая вещевой мешок, наполненный продуктами, которые собрала для них девушка, вышел из дома.

Придя по утренней зорьке к танку, лейтенант не обнаружил, к счастью, никаких перемен: КВ мирно стоял на опушке леса, у самой дороги.

– Экипаж, подъём! – постучал он по люку, – кухня прибыла!

Люк открылся, и из танка вылез командир.

– Ну как, Ромео, – с хитрецей посмотрел на Василия старший лейтенант, – дела на любовном фронте? Надеюсь, лучше, чем у нас? Танк мы так и не починили, трансмиссия полетела... Теперь разве что до дороги доехать, и всё!

– Продукты я принёс, командир, – приподнял тяжёлый вещмешок Ранцев, – с голоду теперь точно не помрём...

– Это точно, – улыбнулся Трященко, – от голода нам смерть точно не грозит!

Проснувшийся экипаж разбирал нехитрую крестьянскую снедь, собранную Настей.

Позавтракав и отложив остатки продуктов на запас, командир выставил в наблюдение бойцов, а сам с механиками вновь попытался отремонтировать так некстати сломавшуюся трансмиссию.

Быстро светало.

В лесу, словно бы и не было войны, беззаботно щебетали птицы, встречая вместе с всходящим солнцем третье утро войны.

– Командир! – к танку подбежали выставленные наружные наблюдатели, – со стороны Расейня идёт колонна машин!

– Экипаж, – крикнул старший лейтенант, – к бою! Приготовится к атаке!

Бойцы занимали в танке свои штатные места, готовя машину к последнему броску.

Действительно, со стороны города по дороге шла большая колонна из двенадцати тяжело гружёных немецких машин, которую сопровождали два броневика боевого охранения.

– Ну что, товарищи! – раздался в танке по внутривнутрипереговорной связи голос командира, – за нашу советскую Родину, за Россию, вперёд!

Танк, грозно лязгнув гусеницами, как сокол, повергающий свою жертву, выехал с опушки и устремился в сторону вражеской колонны!

Ужасу немцев не было конца, когда на дорогу выехал грозный советский танк и, стреляя одновременно из пушки и пулемётов, принялся огнём и гусеницами уничтожать немецкую колонну.

Прошло совсем немного времени, как вся вражеская колонна, полностью разбитая, пылала огнём и чадила удушливым дымом.

Русский танк, закончив своё победоносное дело, пару раз чихнув двигателем, остановился как вкопанный на дороге, на этот раз навсегда.

– Всё, командир, – невесело доложил трансмиссионщик Смирнов, – отъездили своё, отслужила своё «кэвэшка».

– Ничего, бойцы, – приободрил экипаж командир, – наша битва ещё впереди, теперь чаще башней надо крутить, чтобы не подобрался немец.

Подчиняясь электромотору поворота, башня КВ стала медленно поворачиваться, ища противника.

– Никого, командир, – доложил наводчик орудия и не удержался, – а всё-таки мы их сделали красиво!

– Так впредь и держать! – одобрил боевых друзей командир. – Держитесь, ребята, верю я, что помощь не за горами. Просто первый немецкий удар был таким внезапным! Должны наши оклематься и погнать врага везде – верите мне?

– Да, командир, – дружно отозвался экипаж, – иначе и быть не может!

В это же самое время в штабе боевой группы вермахта «Зекендорф» шестой танковой дивизии полковник Эрхард Раус получал разнос от генерал-полковника Эриха Гёпнера.

– Господин полковник! – раздражённо смотрел на Рауса генерал, – в чём дело? Мне поступил доклад, что наше наступление сдерживает один единственный советский танк! Им только что была уничтожена наша колонна из двенадцати грузовиков со снабжением и два броневика охраны!

– Не могу знать, господин генерал, – нахмурился полковник Раус, – сообщения поступили только что! Экипажем танка, кроме уничтожения нашей колонны, были повреждены телефонные провода, связи со штабом дивизии нет! Кроме этого, танк ведёт прицельный огонь по нам и по городу.

– Какие меры приняты для немедленного устранения этой занозы? – жёстко посмотрел на полковника генерал. – Вы со своими подчинёнными срываете планы наступления дивизии, вы хоть это понимаете?!

– Так точно, понимаю, господин генерал, – согласился Раус, – разрешите доложить! Мною приняты следующие меры: третья батарея истребителей танков лейтенанта Венгенрота заняла свою позицию, подключена батарея ста пятидесяти миллиметровых гаубиц, рота лейтенанта Гебхардта минирует дороги, танковый батальон майора Шенка готов к контратаке!

– Избавьте меня от ваших подробностей, – небрежно махнул рукой генерал, – приказываю вам лично заняться уничтожением этого танка! Или вы хотите, чтобы я занялся этим?!

– Никак нет, господин генерал, – обиделся полковник, – сегодня же этот танк будет уничтожен! Разрешите идти, господин генерал?

– Да, идите – посмотрел на него Гёпнер, – жду вашего доклада!

Отдав армейское приветствие, то есть козырнув, а не вскинув руку в партийном жесте, полковник Раус вышел из штаба, намереваясь лично выехать и руководить войсковой операцией по уничтожению русского танка, так некстати перекрывшего снабжение и наступление дивизии.

Проводив взглядом Рауса, Эрих Гёпнер задумался: один-единственный танк противостоит силам немецкой дивизии, находясь, по сути, в тылу врага.

Странные, странные эти русские! Неужели они так рьяно исполняют приказы своего командования?! Впрочем, приказы необходимо исполнять!

Да, не знал генерал, что он сам в тысяча девятьсот сорок втором году за неподчинение приказу Гитлера будет лишён абсолютно всего, а восьмого августа тысяча девятьсот сорок четвёртого года по приказу этого же Гитлера будет казнён – повешен в тюрьме Берлина как активный участник заговора против бесноватого вождя.

В это время наши танкисты находились в раскалённой от жаркого летнего солнца башне КВ, который по-прежнему стоял на дороге, и гадали, какие ещё пакости и неприятности готовят для них немцы.

Внезапно на дороге, направляясь в город, показался немецкий грузовик, перевозящий захваченных в плен бойцов Красной Армии. Заметив советский танк, немецкая машина остановилась как вкопанная.

– Командир, смотри, пленных перевозят, – оживился наводчик лейтенант Ранцев, – что делать, Иван Захарович?

– Спокойно, Василий, спокойно, – их командир был невозмутим, – дайте над головой машины пару очередей из пулемётов! Только аккуратней, наших не заденьте!

В танке, открыв огонь над крышей грузовика, ожили два танковых пулемёта Дегтярёва ДТ-29 – тот, что был спарен с орудием и курсовой, кормовой ДТ-29 молчал. Было видно, что военнопленные разбегаются из машины, уходят в лес. Добившись цели, пулемёты замолчали.

Спустя некоторое время экипаж обнаружил, что немцы не оставили их в покое: было видно, как оккупанты подтаскивали по лесной местности целую батарею, состоящую из четырёх орудий пятидесятимиллиметровых противотанковых пушек.

– Ну что, командир, – грустно спросил механик-водитель, – кажется отвоевались? Сейчас выйдут на дистанцию прямого попадания и будут жечь нас! Может, пугануть их?

– Не робейте, танкисты, – взбадривал командир экипаж, – мы ещё своё слово не сказали. По стрельбе – отставить! Подпустим их на максимально близкое расстояние и ударим! А сейчас пусть думают, что экипаж бросил танк, и наш КВ пустой.

Грозный КВ стоял посередине дороги и молчал, действительно создавая впечатление, что экипаж давно уже покинул его.

Прибыв на место, полковник Эрхард Раус действительно убедился и лично увидел, что мощный советский КВ одиноко стоял в центре дороги, и было видно, что он либо повреждён, либо брошен экипажем.

С точки зрения немецкого офицера танк представлял идеальную мишень, и надо было быть безумцем, чтобы оставаться в этом обречённом одиноком русском танке. К Раусу подбежал вызванный им лейтенант Венгенрот и, отдав ему воинское приветствие войск вермахта, застыл в ожидании.

– Господин лейтенант, – ответно отдал ему приветствие полковник, – вам ставится особо важная задача: вашей батарее следует незаметно приблизиться к русскому танку и уничтожить его! Выберите самых отважных солдат и исполняйте!

– Будет исполнено, господин полковник, – вытянулся по стойке смирно лейтенант, – разрешите исполнять?

– Сделайте это, – махнул ему рукой полковник, – генерал-полковник Гёпнер ждёт моего доклада!

Получив приказ, лейтенант Венгенрот удалился для его исполнения.

С интересом полковник Раус наблюдал, как командир батареи и его солдаты стали подтаскивать противотанковые пушки по лесистой местности поближе к русскому танку на дистанцию эффективной стрельбы.

Советский КВ был неподвижен, и многие из офицеров и солдат делали ставки на то, что экипаж давно уже оставил свой танк, потому что находиться в такой

позиции было нелогичным и глупым с точки зрения солдат вермахта.

И вот вся батарея Венгенрота застыла на своих позициях и начала кинжальный безжалостный расстрел русского танка. Последовало более восьми прямых попаданий в русский КВ! Офицеры и солдаты рядом с Раусом ликовали, полагая, что с советским танком покончено раз и навсегда!

Вспышки огня то и дело мелькали на КВ, отмечая прямые попадания немецкой противотанковой батареи.

Внезапно Раус содрогнулся: башня русского танка развернулась и, найдя свои цели, открыла огонь из танковой пушки, планомерно уничтожая противотанковую батарею.

– Василий! – командовал командир русского танка, – цели видишь?

– Вижу, командир, хорошо вижу! – отвечал наводчик орудия. – Сейчас я их сделаю красиво!

– Давай, родной мой, давай! – кричал командир. – Огонь без команды, бей гадов!

Башня танка разворачивалась, и с каждым её поворотом семидесятишестимиллиметровое орудие танка, нащупав цель, выплёвывало огонь по немецким пушкарям.

Вот уже первая пушка врага уничтожена, вторая! Танк вёл бой один в полном вражеском окружении и не думал сдаваться!

Накрыв огнём третью и четвертую пушки врага, танк победоносно замолчал.

– Ребята, спасибо! – по громкой связи раздался голос командира. – Родина не забудет вас! Объявляю вам благодарность за уничтожение врага!

– Служим Советскому Союзу! – дрогнувшими чуть-чуть голосами дружно ответили члены экипажа.

Одинокий танк держал свою оборону!

Немцы были потрясены! Полковник Раус видел, какое разочарование охватило его офицеров и солдат после показательного уничтожения русским танком немецкой противотанковой батареи. Быстро взяв себя в руки, полковник дал команду немедленно доставить на позицию с целью уничтожения не сдающегося советского КВ восьмидесятивосьмимиллиметровые зенитные орудия с бронебойными снарядами. Приказ Рауса был немедленно исполнен. И вот уже немецкая длинноствольная зенитка с осторожностью лисы подкрадывалась к русскому танку, стремясь поразить его.

Но не только глаза Рауса и солдат вермахта следили за передвижением зенитки, за ней пристально следил и экипаж притихшего КВ.

– Спокойно, Вася, – подбадривал наводчика орудия командир, наблюдая за приближением немецкой зенитки, – подпускаем её поближе. Пока движется, она нам не страшна!

– Вижу, командир, – отозвался Ранцев, – вижу, как-только встанут, стреляю!

Приняв решение, немецкие зенитчики остановились и лихорадочно стали приводить свое орудие в боевое положение для поражения русского танка.

– Огонь! – коротко скомандовал командир.

Советский КВ развернул башню и, поймав цель, выплюнул раскалённый снаряд, первым в этой дуэли попав во вражеских пушкарей.

– Огонь! – продолжал командовать командир. – По немецким гадам – огонь!

Не переставая, работала танковая пушка, истребляя врага. Уничтоженная зенитка беспомощно завалилась в канаву, беспощадный пулемётный огонь из всех танковых Дегтярёвых уничтожал остатки зенитного расчёта противника!

Уничтожив вражеское орудие и его расчёт, русский танк замолчал, грозно перекрывая дорогу и лишая немцев надежды на молниеносный блиц-криг, на

быструю победу.

Полковник Раус озадаченно нахмурился: странные русские, таким даже не предложишь сдаться, эти точно в плен не пойдут, не купишь их ни рейхсмаркой, ни заграничной едой. Вероятно, можно было купить самых худших из русских и то со временем. Но тех, настоящих воинов, которые сейчас дрались в этом танке, подкупить было невозможно, ибо бились они за самое святое, что имели – свою Родину.

Но что всё-таки было делать с этим танком, надёжно перекрывшим единственный путь снабжения и наступления всей немецкой группировки вермахта?!

Быстро вечерело. С наступлением сумерек Раус точно понял, что докладывать генерал-полковнику Гёпнеру ему не о чем.

Поэтому он приказал лейтенанту Гебхардту вызвать двенадцать добровольцев – сапёров и уничтожить танк путём его подрыва.

Наступила ночь двадцать пятого июня одна тысяча девятьсот сорок первого года.

Солдаты – сапёры вермахта, воспользовавшись ночью, незаметно установили подрывные заряды на танке и подожгли бикфордов шнур.

В ночи раздались хлопки взрывов.

Не успел полковник Раус порадоваться смелости своих солдат, как ожили пулемёты танка, разрывая ночную темноту вспышками длинных очередей.

С каждым выстрелом у Рауса таяла надежда, что его подчинённым удастся разблокировать дорогу.

Ночь была светлой, как и любая тёплая летняя июньская ночь. Как-то незаметно для всех бойцы попали в объятия Морфея. Вскоре экипаж танка был разбужен хлопками взрывов, заметно тряхнувших танк.

– Да, командир, кемарнули чуток и фрицев проспали, – посмотрел на ротного лейтенант Габинский, – немцы не успокаиваются, судя по всему, гусеницы нам рвут.

– Ничего, Яков, – улыбнулся старший лейтенант, – в нашем КВ мы как у Христа за пазухой. А, впрочем, из всех пулемётов – огонь!

– Так ведь не видно никого! – удивился Василий. – В белый свет как в копеечку пулять?

– Всем пулемётчикам – огонь! – скомандовал командир, и объяснил. – Отпугнуть-то фрицев надо, а то ещё гранат нам насуют, а нам таких гостинцев не надо!

Ожили все три танковых пулемёта Дегтярёва, отпугивая немецких взрывников. Поработав несколько минут, пулемёты презрительно замолчали.

– Кстати, – поинтересовался командир, – Яков, вы откуда родом?

– Из-под Винницы я, Иван Захарович, оттуда весь род мой.

– А ты откуда, Василий Петрович, – обратился к Ранцеву ротный.

– Ленинградец я, – был краток наводчик орудия, – а вы, Иван Захарович, откуда?

– Из-под Житомира, – проинформировал всех Трященко, – ох, и красивые места у нас, ребята! Одна охота чего стоит, а рыбалка! Вы представляете, как здорово сидеть на нашем прудике, там такие караси и карпы! Победим врага, всех почту за честь пригласить к себе за праздничный стол. А ты родом откуда, Паша?

– Из Пскова я, у нас тоже очень красивый и древний город.

– Земеля, – заулыбались Смирнов и Широков, – и мы псковские, вот ведь как людей война сводит, а раньше и не встречались в родном городе.

– Иван Захарович, – вопросительно посмотрел на командира Василий, – извините меня за то, что спрошу, но если окажется так, что помощь к нам опоздает и

будет суждено судьбой нам всем здесь погибнуть, о ком вы вспомните в последнюю минуту?

- О маме, - грустно улыбнулся старший лейтенант, - правда нет её с нами, давно уже Богу душу отдала, а вот что-то вспомнилась она мне сегодня и даже приснилась...

- А я жену вспоминаю, - вмешался в разговор моторист Широков, - ох, и красива же она у меня! Когда по улице идёт, все мужики на неё глазеют!

- А у меня невеста Настя, - грустно как-то сказал Василий, - и если наши не успеют, боюсь, что она так и не станет моей женой...

- Успеют наши, - ободрил лейтенанта Трященко, - должны успеть!

- Командир, - понимающе посмотрел на старшего лейтенанта наводчик орудия, - ты помнишь про спартанцев, которые дрались с врагом при Фермопилах и потрясли мир своим подвигом?

- Помню, - задумчиво посмотрел на Ранцева командир танка, - не сдались они тогда, хотя враг и превосходил их многократно!

- Вот и мы не сдадимся! - глянул на них Габинский. - Как и они когда то...

- В этом даже не сомневайтесь, - кротко улыбнулся командир и выразительно замолчал.

- А все-таки, за что мы бьемся? - как-то неожиданно спросил у всех Смирнов и виновато улыбнулся при этом. - Да знаю, что за Родину, за наш Союз Советских Социалистических Республик, за Россию-матушку, за товарища Сталина, конечно, и народ наш советский!

- За них за всех, - мечтательно выдохнул Широков, - и за ближних своих, и наших потомков, которые будут после нас... Эх! Вот бы знать, какие будут они, наши дети и внуки?

Командир внимательно посмотрел на бойца и неожиданно улыбнулся:

– Какие? Да такие, что даже вообразить нельзя – честные, справедливые; такие, что даже здороваясь с незнакомцем, всегда первые спросят его: «Помочь?»

– Да, – блаженно как-то просиял Широков, – правильно говоришь, командир, правильно, а иначе и быть не может, ибо общество будет такое – справедливое!

Танкисты переглянулись, улыбаясь.

– Эх, покурить бы, – мечтательно произнёс Павел, – хотя бы махорочки.

– Да и я бы от папироски не отказался, – поддержал его Яков и покосился на командира, – знаю, знаю, Иван Захарович, нельзя, но уж больно хочется!

– Эх, ребята, – вздохнул Николай Широков, – вы всё о куреве, как заяц о табаке, а я вот дочку свою вспоминаю, красавица она у меня, вся в жену!

После чего весь экипаж задумчиво замолчал. Танкисты думали о своём, только им близком, родном и понятном.

Каждый встречал четвёртое утро войны по-своему: и немцы, и русские, потому как и война была у каждого своя.

– Экипаж, – в танке раздался голос командира, – утро наступило. Как настрой?

– Боевой, командир, – отозвался экипаж, – будем бить врага и дальше!

– Эх, выйти бы да осмотреться, – вздохнул механик-водитель, – что там ночью немчура навзрывала, да и люк хорошо бы открыть, проветрить, а то духота и жарыща страшная! Да нельзя, вон сколько фрицев за кустами мелькает, да и снайпера поди на мушке нас держат...

– В этом даже не сомневайся, – подтвердил командир, – рассвело уже, скоро ползут. Отстоим матушку Россию, Родину нашу!

– Отстоим, командир, – улыбнулся Ранцев, – за наших любимых, за жизнь на земле, всё сдюжим, всё вытерпим, командир!

Экипаж танка улыбался.

Утром полковник Раус, получив заслуженную взбучку от генерал-полковника Гёпнера за то, что до сих пор не разблокирована дорога Расейняй-Шилува, принял решение вызвать авиацию на подавление советского танка, который и не думал выбрасывать белый флаг и сдаваться.

Прилетевшая пара пикировщиков «Юнкерс-87» сбрасывала на танк авиабомбы, которые оставляли на земле глубокие воронки и били танк осколками.

Но, видимо, и вчера, и сегодня Бог был на стороне русских, и, хранимый неведомым русским Богом, танк устоял и на этот раз!

Бомбёжка не принесла никаких результатов! Проклятый танк был неуязвим и поблёскивал на солнце своей несокрушимой стальной мощью!

Раус прекрасно понимал, что если он не уничтожит танк, генерал Гёпнер лично сорвёт с него погоны, и это правильно, потому что планы всей дивизии вермахта трещали по швам из-за этого треклятого танка!

Война против этого русского танка превратилась в личную войну и вендетту полковника Рауса, уже выходила за всякие рамки и была похожа на какую-то чудовищную фантасмагорию.

Поэтому Раус вызвал к себе майора Шенка и приказал ему бросить против русских весь 65-й танковый батальон!

– Господин полковник! – удивился майор Шенк. – Но разве это возможно?! Чтобы целый батальон дрался с одним единственным танком! Это не по-рыцарски и не по правилам войны! У меня в батальоне до пятидесяти боевых машин, их всех бросить против одного танка?!

– Да, господин майор, – внезапно разозлился полковник Раус, – все до единой бросить на этот русский танк! Более того, под прикрытием атаки вашего батальона мы скрытно подведём зенитное восьмидесятивосьмимиллиметровое орудие и в упор расстреляем русских! От вас, Шенк, зависит успех этой

маленькой битвы, и забудьте в этой войне про какое-либо рыцарство, извольте исполнять!

Майор Шенк, коротко отдав армейское приветствие войск вермахта, удалился к своим танкистам подготавливать атаку на этого русского исполина.

Дневное солнце припекало, и над затихшим танком то и дело пролетали по своим неотложным делам лесные пичужки, показывая, что жизнь продолжается и, несмотря на любой исход этого боя, она будет продолжаться вновь и вновь, даря жителям Земли самое главное право – право на жизнь!

– Что, ребята, – раздался в танке голос командира, – не приуныли ли вы, как настроение?

– Боевое, командир, – за всех ответил лейтенант Ранцев, – били и будем бить врага! Даже мёртвые! Ничто нас не остановит! Наш дух не будет сломлен!

– Спасибо, родные вы мои, – коротко отозвался командир, незаметно стирая набежавшую слезу, – мы ещё повоюем!

– Командир, танки противника! – крикнул Василий. – Окружают!

Опушку леса заполонили танки «Панзер-35» из батальона майора Шенка, все пятьдесят, расползаясь по сторонам, они принялись расстреливать русский танк.

Башня советского КВ завертелась.

Находя попадающие на прицел юркие и вёрткие немецкие танки, Ранцев выкрикивал, поджигая оккупантов одного за другим: – Командир! А мы делаем их красиво!

Впрочем, силы были явно неравны.

В полном окружении и одиночестве русский танк дрался с целым немецким танковым батальоном!

В это время, по-предательски тихо и незаметно к нему подкрадывалось крупнокалиберное зенитное немецкое орудие.

Полковник Раус с высоты своего командного пункта наблюдал последний финал грандиозной битвы одного единственного танка против целого танкового батальона вермахта!

Как он и предполагал, в азарте уничтожения немецких «Панзер» русские не заметили зенитку, которая заняла ту же огневую позицию, где ранее находилась уничтоженная немецкая зенитная пушка.

Зенитное орудие произвело с близкого расстояния подряд семь выстрелов, которые уверенно поразили нестигаемый советский танк.

Раус видел, что все выстрелы, выпущенные едва ли не в упор, достигли своей цели. Пушка КВ беспомощно поднялась вверх, словно прося у кого-то помощи, которая так и не пришла. Но даже мёртвый, танк продолжал стоять в центре дороги, блокируя её!

Полковник Раус с офицерами и солдатами подошёл к грозной машине русских, в башне которой были видны несколько небольших пробоин.

Вдруг башня КВ вздрогнула, и ствол орудия мёртвого танка стал двигаться! Солдаты и офицеры бросились врассыпную, лишь один солдат не растерялся и бросил гранату к пробоине, сделанной снарядом зенитки в нижней части башни. Прогремел взрыв такой силы, что даже крышка танкового люка отлетела в сторону.

Но едва солдаты вермахта попытались вновь приблизиться к героическому танку, как оттуда зазвучали выстрелы из командирского «ТТ».

– Огнемёты! – жёстко приказал полковник Раус. – Сжечь этот непокорный экипаж!

Отделение огнеметчиков привычно приступило к своей работе.

Русский танк полыхнул, горя как неприступная крепость, которую враг так и не смог покорить. Пламя плясало на башне KV, разбрызгивая вокруг огненные брызги.

К погибающему танку в окружении свиты незаметно подошёл генерал-полковник Гёпнер и неодобрительно посмотрел на Рауса.

Но что это?

Раус недоверчиво переглянулся с Гёпнером и своими офицерами.

Что это?!!

Из горящего русского танка чуть слышно раздавались звуки песни, от которых шёл мороз по коже. Голоса умирающих советских воинов на одной тонкой, хриплой и одновременно пронзительной, надрывной волне рождали слова песни:

Наверх вы, товарищи, все по местам,

Последний парад наступает,

Врагу не сдаётся наш гордый Варяг,

Пощады никто не желает!

Полковник, бледнея, посмотрел по сторонам. Кто-то из его офицеров и солдат, крестясь, снял каски и головные уборы, кто-то из офицеров, не скрываясь, отдавал воинскую честь умирающему, но не сломленному экипажу русского танка!

- Это уже не война, - прошептал потрясённый полковник, злые слёзы бежали по его щекам.

Отдавая воинскую честь горящему танку вслед за Гёпнером, полковник Раус повторял: - Это уже не война, и если у России есть ещё такие же солдаты, война нами проиграна, даже не успев начаться!

Солнце, одинаковое для всех, ласково светило на погибший, но не сдавшийся экипаж бессмертного танка.

Солнце было сейчас, в сорок первом, но такое же именно солнце будет и в сорок пятом, в год Победы, который приблизил, пусть даже не увидев его, наш героический БЕССМЕРТНЫЙ ЭКИПАЖ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ПАВШИМ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ!!!

Пассат

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Бессмертному подвигу флотского экипажа СКР-22 «Пассат» ПОСВЯЩАЕТСЯ

Основан на реальных событиях

Над морем Баренца дождливой неприступной стеной стоял густой туман.

– Ох, – выдохнул командир небольшого рыбацкого судёнышка, осторожно пробирающегося сквозь густой туман, – воистину, сам Бог нам в помощь с этим туманом!

Впрочем, каким-либо гражданским пароходом или теплоходом этот корабль можно было назвать с натяжкой. По виду, да, обычный рыбацкий траулер с бортовым номером «СКР-22» и стандартным для морского ветра названием «Пассат». Много таких кораблей бороздит по бескрайним морским просторам, добывая треску и прочую рыбёшку.

Правда вот, ошетинился траулер своим, хоть и слабеньким, но всё-таки вооружением: на носу и на корме корабля стояли, грозно поблёскивая, 45-миллиметровые пушки, за которыми находились два 7,62-миллиметровые пулемёта, что и выдавало в бывшем гражданском рыбацком траулере сторожевой корабль.

Да и время, скажем, было военное, потому что на календаре было именно 13 июля 1941 года. Вот поэтому-то и пробирался по шумевшему небольшой пенной волной Баренцеву морю сквозь ночной туман наш сторожевик, ведя под своей охраной два гражданских рыбацких траулера – «РТ-67» и «РТ-32» с понтонами на буксире.

Впрочем, вскоре ночной туман вместе с морозящим дождём исчез, словно бы его и не было, и на горизонте робко показалось раннее утро.

– Да, погодка поменялась, – подойдя к командиру «Пассата», старшему лейтенанту Окуневичу, изрёк простенькую истину командир БЧ-2 лейтенант Пивоваров, – как вы думаете, Владимир Лаврентьевич, проскочим незаметно?

– Проскочим, Анатолий Владимирович, – невозмутимо посмотрел на лейтенанта командир Окуневич, – обязательно проскочим!

В это время сторожевик со своим небольшим конвоем, к слову сказать, следовавший из Кольского залива в Иоканьгу, находился уже в районе острова Харлов.

– Командир! – прервал их короткий диалог комендор кормового орудия Моцель, – вражеский самолёт!

Действительно, над их конвоем на низкой высоте пролетел самолёт-разведчик люфтваффе.

– Ох, неспроста это, командир, – вздохнул комендор, – неспроста...

– Эх, Борис Никитович, не было печали, так немцы налетали! – грустно пошутил старший лейтенант Окуневич, посмотрев на Моцеля, и скомандовал: – Моряки! Усилить наблюдение!

Да, неспроста летал этот самолёт-разведчик, неспроста...

Как знать было военморам, что именно этот разведчик и был придан к морскому отряду новейших немецких эсминцев кригсмарине типа «Редер» 6-й флотилии эскадренных миноносцев Германии в составе пяти боевых кораблей, которые производили поиск в данном районе с целью уничтожения советских морских конвоев и боевых кораблей противника.

Получив сообщение от своего воздушного разведчика «Юнкерс-88» об обнаруженном им морском конвое русских, командир немецких эсминцев типа «Редер» Альфред Шемель, находившийся на борту лидер-эсминца «Ганс Лоди» Z-16, обратился к экипажам своих кораблей: – Господа! Сама судьба нам посылает такие лёгкие цели, выходим на указанный курс! Ганс, после того как я дам небольшую взбучку этим русским рыбакам, с меня шнапс!

– Согласен, Альфред, – отозвался командир одного из эсминцев, – судя по всему, боя не будет, русские сдадутся, только увидев нас! На это я ставлю ящик бургундского!

С этими словами, словно разбойничья ватага, ищущая для себя лёгкой наживы, «Редеры», все пять, по-волчьи устремились к небольшому советскому морскому конвою. Альфред Шемель горделиво осмотрел свою маленькую эскадру: на каждом из пяти его эсминцев находились по 325 моряков, при этом каждый корабль был вооружён пятью 127-миллиметровыми морскими орудиями и двумя спаренными 37-миллиметровыми зенитками, 14 малокалиберными 20-миллиметровыми зенитками, не считая торпедных аппаратов и устройств для минозаграждения.

И такая армада против трёх жалких рыбацких судёнышков русских!

Шемель усмехнулся: – Да эти русские и минуты не продержатся, как попросят пощады и поднимут белый флаг!

Немец посмотрел на часы: около трёх утра, пора начинать.

Над Баренцевым морем лениво летали морские чайки, поющие свои однообразные печальные песни.

– Командир! – внимание Окуневича привлёк краснофлотец-радист Марьин. – Вражеские корабли!

– Вижу, Алексей Петрович, – нахмурился старший лейтенант, смотря на идущие к ним на всей скорости эсминцы противника, – вот они, на расстоянии 25 кабельтовых от нас!

– Передают, командир! – озабоченно посмотрел радист на старлея. – Нам передают, сдавайтесь, мол, деваться вам некуда, предлагают почётный плен!

– Знаешь что, – задумчиво нахмурился Окуневич, – и ты им передай...

– Что передать, командир, – спросил моряк, – что?

– А пошли-ка их куда подальше, Алексей Петрович, – усмехнулся старший лейтенант, – да по-нашему, по-морскому, позабористей! Чтобы, значит, сразу поняли, что не годится их предложение нам!

– Понял, командир, – ответно улыбнулся Марьин, – передаю...

– Ну и что отвечают? – улыбнулся командир корабля. – Как понравился гансикам наш ответ?

– Замолчала немчура, – презрительно усмехнулся радист, – видимо, поняли, что среди нас нет продажных шкур!

– Вот и хорошо, что поняли! – ответил Окуневич и попросил радиста: – Так, Лёша, радиограмму срочно в штаб флота! Докладывай обстановку и срочно запрашивай помощь!

Радист привычно исполнял свою работу.

– Так! – продолжал отдавать приказы командир русского сторожевика. – Передать нашим судам конвоя: немедленно укрыться в ближайшей бухте вплоть до того, чтобы выброситься на отмель! Я принимаю бой!

– Товарищ командир, Владимир Лаврентьевич, – посмотрел на него радист, – радиограмма из штаба флота!

– Что передают? – был краток командир.

– Как всегда, держитесь! – как-то печально улыбнулся моряк. – Помощь идёт, к нам направляются пять миноносцев и 24 самолёта!

– Поспееет ли помощь? – словно бы сам себя спросил командир и приказал: – Корабль, к бою! Поставить дымовую завесу! Полный вперёд на врага!

С этими словами командир вышел из рубки и, глядя на приближающиеся эсминцы противника, стал поторапливать своих морячков, готовя сторожевик к неизбежному и неравному бою.

Тем временам суда конвоя «РТ-67» и «РТ-32», воспользовавшись поставленной «Пассатом» дымовой защитой, стали на полном ходу идти к берегу.

– Огонь! – скомандовал командир немецкого лидер-эсминца «Ганс Лоди» Альфред Шемель, разгадав нехитрый манёвр русских. – Утопить эти рыбацкие лоханки!

Орудия и крупнокалиберные зенитки эсминцев кригсмарине «Редер» открыли беспощадный артиллерийский и зенитный огонь, расстреливая из всех своих калибров беззащитные корабли русских.

Море закипело от множества разящих осколков и пуль.

Но и русский сторожевик «Пассат», отважно идущий на корабли немцев, открыл огонь по врагу из всего, что имел: двух малокалиберных пушек и двух пулемётов.

Но схватка была чересчур неравной!

Практически в полном вражеском окружении и одиночестве вчерашний советский «рыбак» дрался против пяти новейших эскадренных миноносцев врага!

На расстоянии менее 10 кабельтовых немецко-фашистские корабли беспощадно расстреляли «РТ-67», не успевший подойти к берегу, на добивание пустив в него торпеду. В то время как «РТ-32» успел-таки приткнуться к спасительному берегу бухты Гавриловская и спастись.

Спасая экипаж гибнущего «РТ-67», моряки которого на шлюпках отходили к берегу и пели «Интернационал» под огнём врага, героический сторожевик «Пассат» закрыл собой уничтожаемый экипаж русских рыбаков, принимая весь вражеский огонь на себя.

Огонь из всех пушек и зениток врага был страшен! Получив огромное количество прямых попаданий, отважный «Пассат», подобно «Варягу», стал медленно тонуть, погружаясь в холодные северные пучины Баренцева моря, отражая в воде, как в зеркале, пламя бушевавшего на корабле огромного огненного костра.

– Моряки! – возвысил голос командир, находясь с комендором носового орудия. – Не сдадимся врагу и не посраим честь русского флота!

Неожиданно дружно, даже погибая, героический экипаж «Пассата», перебивая шум артиллерийской канонады, захлёстываемый подступающей забортной морской водой, запел «Интернационал», который сливался с этим же гимном, звучащим на шлюпках моряков экипажа «РТ-67».

Вода у погибающего и не сдающегося «Пассата» буквально пенилась и кипела от множества прямых попаданий вражеских орудий и зениток.

Но и принимая на себя весь удар эсминцев врага, горящий ярким пламенем нестигаемый сторожевик и не думал сдаваться!

Его носовая и кормовая пушки и пулемёты, объятые пламенем, били врага, даже когда их захлёстывала из всех пробоин холодная северная морская волна.

– Врёшь, не возьмёшь! – кричал комендор кормового орудия Моцель, отстреливая последние, пусть и малокалиберные снаряды по кораблям врага, не обращая внимания на морскую воду, заливавшую его горящие ноги. – Русские моряки не сдаются!

Немцы были потрясены подвигом советского сторожевика!

– Прекратить огонь! – приказал ошеломлённый командир 6-й флотилии эсминцев Альфред Шемель, незаметно стирая набежавшую слезу, смотря на уходящий под воду и развевающийся на гафеле русского корабля непокорённый советский флаг, и видя, как на корме русского сторожевика, уходящего под воду, всё ещё жила, не желая умирать, и упрямо стреляла по ним последняя русская пушка. – Экипажам снять головные уборы!

Отдавая воинскую честь вместе с офицерами своих кораблей героическому флотскому экипажу русского сторожевика, командир эсминцев приказал пройти рядом с местом гибели советских моряков, осматривая море средствами наружного наблюдения, с тем, чтобы обнаружить уцелевших героев русского сторожевика.

Но только морские чайки в грустном одиночестве кружили над местом трагедии и бессмертного подвига и пели свои однообразные печальные песни.

Майор

Основан на реальных событиях

В одном оккупированном фашистами небольшом прифронтовом городке в немецком штабе служила неприметная девушка Оля.

Скажем так: практически всё местное население ненавидело её, считая изменницей Родины и приспособленкой.

Так-то оно конечно так, но не так.

Нет, совсем не так.

Была Оля партизанкой-разведчицей и добывала для своего отряда и советского командования бесценную информацию о планах врага, потому как была переводчицей, имевшей допуск к служебным материалам вражеского штаба.

В один из солнечных ясных дней Ольгу попросил поприсутствовать на допросе захваченного в плен советского офицера штурмбаннфюрер СС Ганс Шмульке.

Зайдя в комнату для допросов, девушка заметила в центре помещения носилки с тяжелораненым пленным офицером, судя по званию майором Красной Армии, на гимнастерке которого тускло отсвечивали боевые ордена.

Раненый тяжело дышал, сквозь его бинты сочилась кровь с гнойными выделениями, и было видно, что ему очень плохо.

– Фройляйн, переведите! – галантно обратился к переводчице гауптштурмфюрер СС Ганс Вайс, также принимавший участие в допросе пленного. – Просим представиться, назвать данные воинской части, командования и всё, что он может рассказать немецкому командованию!

Посмотрев на эсэсовца, девушка перевела и озвучила вопрос пленному офицеру.

Но тот промолчал, даже не удостоив её взглядом.

Штурмбаннфюрер Шмультке глянул на русскую девушку.

– Так, переведите ему фройляйн, – важно произнес он, – что я уважаю офицеров противника, имеющих боевые награды и захваченных на поле боя!

Согласно кивнув головой, Ольга перевела речь немецкого офицера.

Но советский майор молчал.

В нетерпении Шмультке постучал рукой по столу, на котором тускло поблескивал автомат.

– Так, переведите ему, – горделиво посмотрел на пленного немецкий майор, подмигнув своему коллеге-капитану, – от имени немецкого командования и в обмен на сотрудничество я предлагаю поступить на службу великой Германии! Представьте, после войны жизнь в тихой и полусонной Европе, все блага жизни: баварское пиво и колбаски, голландский сыр и немецкая ветчина! Переведите, что это величайшая честь служить немецкой расе господ и обслуживать её, получая рейхсмарки!

Девушка перевела.

Но всё так же советский офицер молчал и лишь прерывисто и тяжело дышал.

– А! – догадался ээсовец и, подняв телефонную трубку распорядился: – Доктора сюда, живо!

Пришедшему врачу Шмультке дал распоряжение немедленно поменять бинты и сделать обезболивающий укол пленному майору.

Немецкий военный врач исполнил указание своего начальства, после чего допрос продолжил гауптштурмфюрер Ганс Вайс.

– Вот видите, – с жаром убеждал он советского офицера, – мы не звери, и немецкое командование милосердно к вам! При этом мы не торопим вас с

показаниями, достаточно просто назвать себя и подписать бумагу о сотрудничестве с Рейхом великой Германии!

Русский майор презрительно посмотрел на переводчицу и немецких офицеров, проводящих допрос.

– Скажи ему, нет! – внезапно прозвучал хриплый голос пленного офицера. – Я советский человек и Родину свою не предаю!

Услышав переведенный ответ русского, штурмбаннфюрер Шмульке разгорячился.

– Так, переведите ему! – зло, как змея, прошипел ээсовец. – Я уважаю его подвиг и мужество, но пусть он поймёт, что о его подвиге не узнает никто и никогда, и мы сделаем так, что все узнают о нем как об изменнике своей страны! Неужели он не понимает, как это практично и целесообразно служить фюреру великой Германии и получить от него бесценный дар – жизнь, подобную сладкой конфете?!

Пленный майор посмотрел на Шмульке.

– Конфете, говоришь?! – в комнате раздался хриплый голос русского майора. – Переведи этому выкорымышу фюрера, что советский офицер никогда не изменит своей Родине!

Желая смягчить перевод, Ольга немного изменила ответ пленного майора, переведя оскорбительное слово «выкорымыш» как «воспитанник».

Услышав перевод, Ганс Шмульке буквально расцвел.

– О, да! – воскликнул он. – Не я один, а все мы, офицеры третьего Рейха, достойные воспитанники нашего фюрера! Итак, насколько я понял, он готов сотрудничать с нами?

И без перевода русский офицер понял все.

– Нет! – отрицательно мотнул головой он. – Я не буду служить вам никогда!

После чего пленный с интересом посмотрел на переводчицу, стоящую рядом с ним.

– Ну и за сколько серебрянников продалась, подстилка гитлеровская?! – с презрением спросил он у девушки и с омерзением плюнул в неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/malyshev_andrey/angely-ulic-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)